

Часть 1. Преамбула

- Глава I: идеал
- Глава II: Люди и борьба

Глава I: идеал

«Теперь я могу умереть, я увидел, как мой идеал осуществился». Так мне сказал в одном из коллективов Леванте, если мне не изменяет память, один из тех людей, которые всю свою жизнь боролись за торжество социальной справедливости, человеческой свободы и братства.

Его идеалом был Вольный Коммунизм, или Анархия. Но использование этого термина во всех языках несло в себе риск исказить в сознании людей то, что великий гуманист Элизе Реклю определил как *"благороднейшую концепцию порядка"*. Тем более что очень часто, и это было во Франции, анархисты, кажется, делали все возможное, чтобы согласиться со своими врагами и оправдать негативную и нигилистическую интерпретацию, которую уже можно найти в таком-то и таком-то приказе или эдикте Филиппа Красивого во Франции. Поэтому предать смысл того, что говорил мне старый боец, который так долго боролся и так много страдал, и который, возможно, был застрелен одной из расстрельных команд Франко, значит придерживаться простого выражения слова, которое так широко интерпретируется. Поэтому давайте разберемся в этом вопросе более глубоко.

Рикардо Мелья, самый подлинный и оригинальный мыслитель испанского анархизма, в своей брошюре «*El Ideal Anarquista*» дал следующее определение этого идеала: *«свобода как основа, равенство как средство, братство как цель»*. Давайте хорошо запомним это: конечной целью, венцом было братство, в котором свобода была бы одновременно и основой, и следствием, ибо может ли быть братство без свободы; но можно ли лишить свободу братства?

Кроме того, эти концепции не проникли в Испанию с часто обсуждаемым и спорным словом *анархия*. В своей книге *El Proletariado Militante*, к которой следует постоянно возвращаться, Ансельмо Лоренцо, который после Мельи был самым квалифицированным мыслителем среди испанских анархистов, рассказывает, как эти идеи были открыты ему, впервые прочитав некоторые книги Прудона до 1870 года, среди них *De La Capacit Politique des Classes Ouvrières*, переведенные Пи-и-Маргалем. [Философ и апостол республиканского федерализма, который недолго был одним из президентов первой Испанской республики (1873-74)] Эти книги и статьи, опубликованные самим Пи-и-Маргалем в его журнале *La Discusion*, продемонстрировали ему реальность социальной проблемы, в то время как другие люди боролись за республику, которая не могла быть иной, как буржуазной, и они присоединились к движению карбонариев или к какому-то другому европейскому тайному обществу.

Именно в это время в Испанию проникло влияние Бакунистов. Его носителем был выдающийся борец, итальянец Джузеппе Фанелли, бывший гарибальдийский комбатант, впоследствии независимый либеральный депутат, который, познакомившись с Бакуниным, предположительно во время его пребывания во Флоренции, присоединился к его

социальным идеям.

Бакунин защищал и пропагандировал социализм. В то время слово «анархия» было для него синонимом беспорядка, хаоса, преступности. Он также основал в Женеве с друзьями, среди которых были некоторые интеллектуалы первого порядка, [К Альянсу принадлежали не только братья Реклю, но и такие люди, как Джеймс Гийом, Жюль Гесде, Виктор Дейв, Альфред Наке.] *Международный альянс социалистической демократии*. Он был известен как Прудон во время своего пребывания в Париже в 1844-48 годах. [Выдворенный из Франции Гизо в 1847 году, он вернулся туда во время Февральской революции 1848 года.] Как и у Прудона, социализм Бакунина был антигосударственным. Он удовлетворял его славянскую психологию, его великодушную русскую натуру, его космический взгляд на вещи и широкую человеческую философию, основанную на экспериментальной науке, которую он построил для себя. Его мысль созрела за двенадцать лет, которые он провел в заключении в крепости, в тюрьме и в сибирской ссылке. Поведение авторитарного и диктаторского Маркса в этот долгий и мучительный период только усилило его подозрительность и отвращение к диктатуре, даже когда ее называли народной.

Так, когда в 1869 году Фанелли излагал доктрину Альянса своим новым друзьям, которых он приобрел в Мадриде и Барселоне, он мог сослаться на семь статей программы этой тайной организации, написанных рукой ее основателя:

1. *«Альянс объявляет себя атеистическим; он требует политического, экономического и социального равенства представителей обоих полов».*

2. *«Земля, орудия труда, а также все богатства, став коллективной собственностью всего общества, не могут быть использованы кем-либо, кроме трудящихся, то есть их сельскохозяйственными и промышленными объединениями».*

«Он требует для всех детей обоего пола с момента их рождения равенства средств для развития, то есть содержания и образования на всех уровнях в науке, промышленности и искусстве».

«Он признает, что все существующие ныне политические и авторитарные государства должны быть поглощены в универсальный союз свободных федераций, как сельскохозяйственных, так и промышленных».

«Поскольку невозможно найти окончательное и реальное решение социального вопроса иначе, как на основе международной солидарности трудящихся всех стран, Альянс отвергает всякую политику, основанную на так называемом патриотизме и на соперничестве между нациями».

«Он требует всеобщего объединения всех местных ассоциаций посредством свободы».

В этой программе Бакунин пошел дальше Прудона, например, в вопросе о равноправии женщин — он уже сделал это, в частности, в своем *Революционном Катехизисе*; он пошел дальше Маркса в своем видении нового общества, построенного на международной основе экономической организации рабочих. Ведь Уставы Интернационала не заходят так далеко,

они не подразумевают четкой методики социальной реорганизации одновременно с политической доктриной (которая должна была открыть путь многим неожиданностям и привести к захвату парламента и государства).

Но удивительно видеть, с какой быстротой, легкостью и точностью два ядра «в Мадриде и Барселоне» усвоили и распространили основополагающую доктрину Альянса.

Год спустя, 19 июня 1870 года, в Барселоне, в театре «*Circo Barcelona*» состоялся первый конгресс испанской секции Первого Интернационала.

Этот конгресс, на котором было представлено 40 000 рабочих из 18 миллионов жителей, характеризовался серьезностью и глубиной обсуждения, изученных проблем и принятых резолюций. Необходимость покончить с господством капитала и эксплуатацией человека человеком; установление тактики, которая принадлежала бы рабочему классу независимо от политических партий; необходимость подготовиться к тому, чтобы сменить буржуазное общество через рабочие ассоциации, были подробно разработаны. И с самого начала способы применения идеала требовали разработки директив, которые можно найти в революции относительно организации рабочих:

1. В каждой местности рабочие каждой профессии будут организованы в общественные секции; кроме того, будет создана общая секция, в которую войдут все рабочие, занятые в профессиях, которые еще не включены в специализированные секции: это будет секция различных профессий.
2. Все секции профессий одной местности объединятся и организуют солидарное сотрудничество, распространяющееся также на вопросы взаимопомощи, образования и т.д., представляющие большой интерес для трудящихся.
3. Секции одной и той же профессии, принадлежащие к разным местностям, объединятся для обеспечения сопротивления и солидарности в рамках своей профессии.
4. Местные федерации объединятся в Испанскую региональную федерацию, которую будет представлять Федеральный совет, избираемый конгрессами.
5. Все профессиональные секции, местные федерации, профессиональные объединения, а также региональная федерация будут управлять собой на основе собственных правил, выработанных на их съездах.
6. Все трудящиеся, представленные рабочими съездами, будут решать через своих делегатов вопросы о методах деятельности и развития нашей организации.

Конечно, основные постулаты этой идеи были работой Бакунина и были принесены туда Фанелли. Но здесь мы находим обширную организационную концепцию и творческую инициативу, выходящую за рамки всего, что было сделано до сих пор в Европе, показывающую, в какой степени была понята и усвоена идея. В этой сложной и полной структуре принципы направляли действие, но действие, к которому следовало прибегнуть, должно было направлять и дополнять принципы. С другой стороны, мы сталкиваемся с

новаторским духом, активной волей и этическим чувством, которые одним рывком вышли за пределы синдикального корпоративизма. Мы не только думали о создании организации с профессиональным характером, но и такой, которая была бы гуманистической и социальной в широком смысле этого слова. Даже в то время, когда выковывалось эффективное оружие борьбы за ближайшее будущее против классового врага, закладывались основы нового общества.

Уже то, что позже будет названо вертикальной организацией, созданной на основе национальных федераций, завершает горизонтальную организацию. В то же время местные федерации, созданные в несколько менее важных центрах, где существовали различные ремесленные союзы, объединяют и сплочают последние для общей борьбы. Во Франции это произошло тридцать лет спустя в форме бирж труда (*bourses de travail*), и для этого необходимо было, чтобы Фернан Пеллутье, выходец из мелкой буржуазии, стал ее сторонником.

Но идеал также появляется в других принятых резолюциях, и другие задачи предусматриваются на ближайшее будущее, хотя часто ожесточение социальной борьбы мешало применению принятых решений. На том же съезде был также поднят вопрос о кооперативах. Для людей, которые представляли себе радикальную трансформацию общества в очень короткие сроки, кооперативы могли показаться опасным препятствием. Но хотя они все еще не знали о программе пионеров Рочдейла, рабочие делегаты на съезде в Барселоне нашли здравый смысл и хорошо сбалансированные решения этой проблемы. Пункт 3 резолюции, по которой они голосовали, предусматривал, что:

«Когда того требуют обстоятельства, кооперация в производстве должна способствовать производству товаров для непосредственного потребления рабочими, но мы осуждаем ее, когда она фактически не распространяет свою солидарность на крупные рабочие организации».

Тем не менее, принцип всеобщей солидарности, распространенный на всех эксплуатируемых, представляется особенно осуществимым через потребительскую кооперацию, *«единственную, которая не только может быть применена во всех случаях и при всех обстоятельствах, но которая должна также давать зачатки и средства для общего развития всех тех трудящихся, культурная отсталость которых делает новые идеи трудными для понимания».*

Наконец, в шестом, заключительном абзаце говорится, что *«наряду с потребительской кооперацией и в дополнение к ней можно разместить кооперативы взаимопомощи и народного просвещения».*

Необходимо отметить, что речь идет об июне 1870 года. В то время книга Маркса «Капитал» была еще неизвестна, как и «Манифест Коммунистической партии», а Парижская Коммуна не должна была взорваться до следующего года. Федералистский и Вольный социализм в Испании должен был, таким образом, развиваться импульсом своей собственной силы. Одним махом идеал был сформулирован в общих чертах, и то, что позже было названо французским революционным синдикализмом, было сформулировано после этого периода.

Но то, что было разработано в те исторические дни, должно было быть дополнено на конгрессах, которые последовали в следующее десятилетие.

Таким образом, в следующем году конференция организации, включающей «Испанскую региональную секцию Первого Интернационала», пошла дальше в прояснении этих вопросов. Наиболее способные из активистов побывали в Швейцарии, чтобы установить контакт с Бакуниным, который вдохновлял их действия благодаря конструктивному уму и организаторским способностям, охватывающим жизнь в мировом масштабе. Но они добавили к его идеям свои собственные. В интересах непосредственной борьбы, сопротивления рабочего класса и для организации нового общества Испания была органически разделена делегатами на пять регионов: Северный, Южный, Восточный, Западный и Центральный. Как было решено в предыдущем году, были основаны местные и национальные профсоюзные федерации. Была намечена форма сотрудничества, также по профсоюзам, для того, чтобы иметь возможность облегчить и контролировать эту часть общей деятельности. 1 сентября 1871 года, после недели дискуссий по различным вопросам, была одобрена декларация принципов против республиканизма как политического, но не социального врага монархического режима:

- Поскольку истинное значение слова «Республика» — «общественное дело», то это то, что принадлежит коллективу и подразумевает коллективную собственность;
- Что «демократия» означает свободное осуществление индивидуальных прав, что осуществимо только в условиях анархии, то есть путем упразднения политических и юридических государств, вместо которых необходимо будет создать рабочие государства [Слово "государство" здесь использовано в значении "нация", в чем можно легко убедиться из нижеследующего.] , функции которых будут чисто экономическими;
- Что права человека не могут быть подчинены законам, поскольку они неделимы и неотчуждаемы;
- Вследствие этого Федерация должна иметь просто экономический характер;
- Конференция трудящихся испанского региона Рабочего Интернационала, собравшаяся в Валенсии, заявляет: «Что истинно демократическая и федеративная республика есть коллективная собственность, анархия и экономическая федерация, то есть свободная всеобщая федерация свободных ассоциаций сельскохозяйственных и промышленных рабочих, формула которой ею полностью принята».

Нельзя не восхищаться богатством этой мысли, которая никогда не была улучшена ни одним рабочим движением с тех пор, как она была впервые сформулирована. Французскому рабочему движению потребовалось тридцать пять лет, чтобы прийти до Амьенской хартии, которая значительно уступает как по своему теоретическому и доктринальному содержанию, так и по широте конструктивных горизонтов с практической стороны, а также по тому чувству универсальности и интернационализма, которое поднимает дух и направляет действия. Здесь основным вдохновением является в первую очередь идеал братства. Речь идет прежде всего о распространении на все народы, на всех жителей мира

практики человеческой солидарности.

В следующем году - 1872 - Интернационал был объявлен незаконным правительством Мадрида, несмотря на его блестящую защиту в Кортесах Николасом Сальмероном, благородной фигурой и выдающимся республиканским юристом. В Италии правительство должно было предпринять те же шаги. Во Франции, где все еще господствовал закон Ле Шапелье, суды продолжали приговаривать интернационалистов к длительным срокам тюремного заключения. Но в то время как итальянские интернационалисты, руководимые Малатестой, Ковелли, Андреа Костой, Карло Кафьеро и другими молодыми энтузиастами из буржуазии, приветствовали эту меру, которая, как они считали, ускорит революцию, и начали дикие попытки восстания, которые спровоцировали полный роспуск движения, испанские активисты не упускали из виду цели конструктивного характера и немедленное органическое действие, которое из них вытекает. Они начали с подтверждения позитивных стремлений в Манифесте, адресованном общественному мнению Федеральным советом Испанской секции Первого Интернационала:

- Мы хотим, чтобы справедливость была достигнута во всех человеческих отношениях;
- Мы хотим отмены социальных классов и их слияния в единый класс свободных, честных и культурных производителей;
- Мы хотим, чтобы труд стал основой, на которой покоится общество; чтобы мир был преобразован в одну огромную федерацию свободных местных коллективов рабочего класса, которые, объединившись между собой, составят полностью автономную местную федерацию; чтобы местные федерации в одном кантоне составили кантональную федерацию, чтобы различные кантональные федерации в регионе составили региональную федерацию и, наконец, чтобы все региональные федерации мира составили большую международную федерацию.
- Мы хотим, чтобы орудия труда, земля, шахты, верфи, торговый флот, железные дороги, фабрики, машины и т. д. стали собственностью всего общества и использовались только коллективами рабочих, непосредственно осуществляющих производство и в рамках которых рабочий получит полный продукт своего труда; [6]
- Мы хотим, чтобы все люди обоего пола получили полное образование в области науки, промышленности и искусств [7], чтобы интеллектуальное неравенство, почти полностью мнимое, исчезло и чтобы отличительные эффекты разделения труда не повторялись; тогда можно будет получить уникальные, но положительные преимущества от этой экономической силы путем производства того, что предназначено для удовлетворения человеческих потребностей;
- Мы верим, что посредством организации общества в обширную федерацию трудовых коллективов, основанных на труде, все авторитарные власти исчезнут, превратившись в простых администраторов коллективных интересов, и что дух национальности и патриотизма, столь враждебный единению и солидарности среди людей, будет уничтожен перед великой родиной труда, которой является весь мир.

- Таков социализм, провозглашенный Интернационалом, двумя основными утверждениями которого являются: коллективизм в экономике и анархия как политический принцип. Коллективизм, то есть общая собственность на орудия труда, их использование рабочими коллективами, которые применяют их для непосредственного производства, и индивидуальная собственность на весь продукт труда каждого человека. Анархия, или упразднение правительств, то есть их превращение в простых администраторов коллективных интересов.

Не напоминают ли эти последние абзацы формулу Прудона: «Мастерская заставит исчезнуть правительство»? Или, может быть, лучше сказать, Сен-Симона: «Заменить управление людьми управлением вещами»?

Еще в 1872 году испанская секция Первого Интернационала продолжала прояснять принципы и средства их реализации. Новый весомый вклад внес Сарагосский конгресс, как раз перед тем, как он был объявлен незаконным. Моральный уровень обсуждаемых вопросов, принятые резолюции часто преобладали над экономическими проблемами и решениями, все это в целом впервые взаимопроникало в рабочее движение. Обсуждаемые темы включали судьбу женщины, «эмансипация которой тесно связана с проблемой собственности», секции потребительских кооперативов, потребительские комитеты, организованные рабочими секциями сопротивления и специализированной кооперативной федерацией. Длинный отчет, достойный юриста, показывает, насколько и насколько подробно авторы изучали проблему собственности. Но прежде всего наше внимание привлекает отчет об «Интегральном обучении», поскольку впервые эта тема вызвала такой глубокий анализ.

Удивительно обнаружить, во-первых, объединенные научные соображения и перечисление в порядке важности связей между биологическим развитием ребенка и развитием физиологических способностей, которые тогда предлагались. Возникает соблазн сказать, что с тех пор ни один из великих мастеров педагогики не пошел дальше. Фактически, этот доклад был работой интеллектуала, привлеченного рабочими и с которым он сотрудничал, но как похвально для тех металлистов, каменщиков, печатников, рабочих, ткачей, грузчиков поддержать запуск педагогических идей на полвека вперед своего времени!

В целом их конструктивный дух был исключительным. Подтверждение этому мы можем найти в третьей резолюции, принятой на конгрессе в Сент-Имье, состоявшемся 15 и 16 сентября 1872 года. Этот конгресс объединил те секции Интернационала, которые не хотели подчиняться диктату Маркса и роспуску этой Ассоциации в ответ на протесты большинства секций против мошеннического исключения Бакунина, Джеймса Гийома и Юрской федерации. [8]

Среди вопросов повестки дня был один на тему «Организация работы, статистика». Доклад, представленный докладчиком, был, очевидно, написан Бакуниным и заканчивался следующими словами:

«Комиссия предлагает назначить комиссию, которая должна будет представить следующему Конгрессу проект всеобщей организации сопротивления и полные таблицы

статистических данных о работе, из которой эта борьба будет черпать свое вдохновение. Она рекомендует испанскую секцию как лучшую на сегодняшний день».

В следующем году, и хотя, как мы видели, Испанская федерация была объявлена незаконной, цифры показывают, что было 162 местных федерации и еще 62 в процессе формирования. Год спустя, по словам бельгийского историка Лавелея, число членов достигло 300 000, что, по нашему мнению, чрезмерно и, вероятно, относится к влиянию, которое оказывала Испанская секция Интернационала. Затем, когда движение стало тайным из-за преследований, его численность сократилась. Тем не менее, в 1876 году Конференция кантональных федераций еще раз перечисляет принципы, которые должны применяться во время революции:

«1. Места, где члены Интернационала могут победить в результате Интернационального движения, объявят себя свободными и независимыми и освобожденными от национальной структуры. [9]

2. Каждая местность немедленно объявит, что то, что заключено в ее границах, принадлежит ей, что ничто не принадлежит ни одному лицу, никому, кроме мебели, одежды и других предметов личного пользования.

5. Организация федерации народных сил всех федераций, кантонов и всех стран.

8. Местные советы будут подразделяться на столько комиссий, сколько будет сочтено необходимым: по обороне, по жизнеобеспечению, по управлению, по труду, по образованию, по кантональным и федеральным отношениям и т. д.

9. Роспуск всех органов существующего государства, уничтожение и сожжение всех правоустанавливающих документов и свидетельств об аренде, ипотечных кредитов, финансовых ценных бумаг, признаний и т. д.

10. изъятие и концентрация всех золотых запасов и бумажных денег, ювелирных изделий и драгоценных камней, найденных в данной местности; централизация всех потребительских товаров и частичная концентрация инструментов и машин в пригодных для использования мастерских.

11. Кантональные и региональные конгрессы возьмут на себя управление через специальные комиссии всем тем, что не может быть сделано отдельными коммунами, кантональной и региональной обороной, организацией общественных служб, торгового флота, железных дорог, почты и телеграфа и т. д.; выдвижение делегатов от региона на генеральный конгресс и в других регионах».

Очевидно, что проблемы продолжали изучаться в теоретическом смысле, не мешая движению достичь большой материальной мощи. В то время в сельской местности, особенно в Леванте и Андалусии, происходили «дикие» забастовки. В зависимости от регионов и провинций, в которых губернаторы, делегаты и представители центральной власти имели право приостанавливать действие конституционных гарантий, закрывать помещения, арестовывать и высылать в административном порядке тех, кого они сочли нужным; где

полиция прибегала к пыткам, где свирепствовала безработица, где «агитаторы» и их семьи были доведены до такой нищеты, что пара парусиновых туфель часто была роскошью, открыто или тайно выходили журналы, пропагандирующие идеал.

Кто знает, сколько их было? Возьмем пример. Только в небольшом городке Ла-Корунья (на побережье к северу от Португалии), где число жителей увеличилось с 30 000 до 60 000 между 1874 и 1923 годами, в те годы один за другим выходили четыре либертарианских коммунистических или анархистских, и, конечно, также синдикалистских еженедельника: La Bandera Roja, La Emancipacion, El Corsario, La Lucha Obrera. Позже, после длительного периода репрессий, их было еще пять: Germinal, La Emancipacion, La Voz del Obrero, Tierra и Solidaridad Obrera (автор этих строк внес вклад в два последних журнала).

Невозможно, если только в нашем распоряжении не будет архивов Министерства внутренних дел, перечислить все издания, вышедшие в период с 1870 по 1936 год. Но давайте приведем известные нам цифры за 1936 год — и, вероятно, список не полон: две ежедневные газеты: Solidaridad Obrera, орган CNT, выходивший в Барселоне тиражом от 40 000 до 50 000 экземпляров, и CNT, мадридский орган той же организации, со средним тиражом 30 000 экземпляров. Среди периодических изданий — всего около десяти — ветеран испанской анархической прессы Tierra y Libertad, выходивший в Барселоне тиражом 20 000 экземпляров; Vida Obrera издавалась в Хихоне (Астурия); El Productor появлялся в Севилье; Cultura y Accion в Сарагосе. Но это еще не все, поскольку, кроме того, были и Reviews. В Барселоне выходила газета Tiempos Nuevos с тиражом 15 000 экземпляров; La Revista Blanca с минимальным тиражом 5 000 экземпляров; Esfuerzo, также издававшаяся в Барселоне с таким же тиражом; в Валенсии Orto имела аналогичный тираж, но превыше всего была Estudios со средним тиражом 65 000 экземпляров, который порой достигал 75 000 экземпляров.

Во всех этих изданиях постоянно выдвигались одни и те же цели. В то время как в других странах и в периоды борьбы упор делался только на критике, здесь постоянно напоминалось о единственном непосредственном требовании, обличении пороков общества, часто с проклятиями, направляющие и конструктивные идеи. Даже в период нелегальности El Municipio Libre, журнал, издаваемый в Малаге, мог опубликовать следующее в своем выпуске за май или июнь 1880 года:

«Мы хотим создания свободных коммун, независимых от любых централизирующих уз, не имеющих иного союза, кроме того, который вытекает из свободно заключенных федеральных пактов, которые всегда могут быть расторгнуты договаривающимися коммунами.

«Присвоение коммунами земель, орудий труда, полное право пользования которыми предоставлено сельскохозяйственным и промышленным коллективам.

«Признание социальных прав лиц обоего пола, вносящих вклад в производство.

«Полное образование и применение всех моральных и физических средств развития к воспитанию детей.

«Муниципальная система, гарантирующая в полном объеме права личности.

«Организация труда, позволяющая каждому работнику пользоваться всем продуктом своего труда.

«Необходимо добиться прогресса во всех видах деятельности, который позволит человечеству воспользоваться всеми изобретениями и прогрессом, плодами человеческого гения».

Конечно, некоторые возражения по поводу деталей можно выдвинуть против идей экономической организации, если только мы поместим себя в контекст периода и примем во внимание, например, экономические структуры Андалусии и других регионов. Но важны общие очертания, всегда присутствующий конструктивный дух, который означает, что ошибки предвосхищения могут быть быстро исправлены, когда придет время. [10] И следует помнить об этом постоянном возвращении к «полному образованию». Можно было написать, и справедливо, что Хоакину Косте, великому республиканскому лидеру и социологу, вдохновенному самоучке, который так много сделал для повышения культурного уровня испанского народа и сделал бесплатное образование одной из главных опор своей борьбы, предшествовали те либертарианские рабочие и крестьяне, чье материальное существование было таким скучным, но чей дух был таким просветленным.

Период нелегальности, начавшийся в 1872-73 годах, прошел, и после девяти лет, в течение которых велась бесчисленная борьба, синдикальная организация, снова связанная на национальном уровне, провела конгресс в Барселоне. В конце обсуждений был составлен Манифест для испанского народа. Если отбросить преувеличения, тот же идеал вспоминался с той же настойчивостью:

«Мы, рабочие, являемся истинными мастерами общества, его творческой и жизненной силой, мы, посредством наших материальных и интеллектуальных усилий [11], строим города и деревни, работаем на земле и извлекаем из ее недр самые драгоценные продукты; строим корабли, пересекающие моря и перевозящие произведенные нами богатства; строим железные дороги, соединяющие самые изолированные регионы; прокладываем кабели по дну океана, позволяющие Старому Свету общаться с Новым; прокладываем туннели в горах, строим акведуки и роим каналы; те из нас, кто принимает участие во всем, что производит человечество голыми руками... в результате ужасного противоречия не наслаждаемся его богатствами. Почему? Потому что власть Капитала и буржуазии превращает наш пот в товар, который считается ставкой заработной платы, несет на себе печать рабства и является источником, из которого исходят все угнетающие нас бедствия».

Снова мы видим, как ясно поставлена проблема социальных классов: здесь излагаются методы борьбы и цели, которых необходимо достичь.

«Наша организация, которая является всецело экономической, отличается от всех политических буржуазных и рабочих партий; она противостоит им всем, потому что все эти партии организовались для завоевания политической власти, тогда как мы организуемся для того, чтобы разрушить все существующие политические государства и заменить их

СВОБОДНОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ СВОБОДНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ СВОБОДНЫХ РАБОЧИХ».

Необходим дополнительный комментарий. Предыдущий абзац явно направлен против международного марксизма и, естественно, против Маркса, который повел своих сторонников по пути парламентаризма и государства, представив на Гаагском конгрессе (сентябрь 1872 г.) резолюцию, в которой говорилось, что «завоевание политической власти является первой обязанностью пролетариата». Политическая полемика между двумя школами социализма началась в Испании. Она продолжает распространяться и расти с тех пор.

В Манифесте подчеркивались интернационализм, универсальность преследуемых целей и видение будущего:

«Социальная проблема не является только национальной, она касается трудящихся в обоих мирах, поскольку скупка сырья, внедрение машин, разделение труда, концентрация капитала, банковские операции и финансовые спекуляции, развитие средств связи являются таковыми во всех экономических силах, которые способствовали полному возвышению буржуазии и ее исключительному господству над общественными интересами».

Даже относительно неинформированный читатель заметит, что составители этого документа читали Прудона, и особенно *Qu'est ce que la Propriete?* и *Contradictions Economiques*. Но он также заметит, что эти рабочие, некоторые из которых — Рикардо Мелла, Ансельмо Лоренцо, Рафаэль Фарга, Пельисер, Федерико Уралес — в анализе структуры капитализма и его развития с необычайно глубокими познаниями достигли уровня социологов. [12]

Этот прогресс и развитие, которые осуществлялись всякий раз, когда ситуация была благоприятной, неоднократно упоминались Петром Кропоткиным, который в журнале *Le Revolte*, который он основал и который был единственным анархистским журналом, существовавшим в то время на французском языке, писал в редакционной статье (12 ноября 1881 г.), что рабочее движение возрождается с новой силой в Европе». Затем, говоря об Испании:

«Но прежде всего в Испании в настоящее время происходит важное развитие. После того, как оно тлело в течение последних восьми лет, как огонь под золой, оно только что проявилось открыто на последнем конгрессе в Барселоне, на котором 140 рабочих организаций были представлены 136 делегатами. Не просто секции из семи или восьми членов, которые оказались вместе в одном районе по чистой случайности, а секции рабочих одной профессии, члены которых хорошо знают друг друга и встречаются каждый день, которые воодушевлены одними и теми же надеждами и которых объединяет общий враг в лице босса и общая цель — сбросить иго Капитала; одним словом, настоящая организация.

«Мы просматриваем выпуски *La Revista Social*, газеты, выпускаемой самими рабочими, и каждый из них информирует нас как о создании новых профессиональных секций, так и о поддержке существующих групп и о федерации ранее изолированных групп. Читая бюллетень испанского движения, мы чувствуем себя перенесенными в лучшие времена

Интернационала, с той лишь разницей, что стремления стали более острыми, понимание предстоящей борьбы более ясным, а взгляды всей группировки в целом более революционными.

«Сразу приходит на ум сравнение: сравнение между движением, которое существует в Испании, и движением, которое существует во Франции, — все это на пользу Испании и все это во вред Франции».

После прочих рассуждений Кропоткин подчеркивает разницу между двумя странами:

«Верные анархистским традициям Интернационала, эти умные, активные, беспокойные люди не будут замыкаться в себе, преследуя свои узкие цели; они остаются в рабочем классе, они борются с ним и за него. Они вкладывают свою энергию в организацию рабочих и работают над созданием силы, которая сокрушит Капитал в день революции: революционной профессиональной ассоциации. Профессиональные секции, федерации всех профессий местности, региона и боевые группы, независимые от всех профессий, но прежде всего социалистические. [13] Так они составляют кадры революционной армии...

«Мы не могли не посоветовать французским рабочим вновь, как это сделали их испанские братья, следовать традициям Интернационала, организовать вне всех политических партий, написав на своем знамени солидарность в борьбе против Капитала».

Мы хотели бы прокомментировать этот комментарий. Прежде всего, отметим, что в то время для издания в Женеве единственной анархической газеты на французском языке требовался русский, так как французские анархисты не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно предприимчивы, чтобы делать это самостоятельно; тогда как в Испании... Это различие весьма существенно.

Более того, для французских рабочих речь не шла о возвращении к традициям Первого Интернационала по той простой причине, что во Франции он никогда не существовал как организованное движение, а те немногие местные секции, которым удалось сформироваться, подвергались беспощадным преследованиям, тогда как в Испании у движения было несколько лет, чтобы самоутвердиться и научиться организовываться.

Затем не хватало Бакунина. Несмотря на все свои качества, Кропоткин не мог оказывать этого влияния, этого очарования, которые были свойственны великому борцу, который был также великим мыслителем и организатором. У него не было того дара человеческого, личного обаяния и понимания, который позволял крестьянину или рабочему чувствовать себя раскованно в разговоре с Бакуниным, который в силу или вопреки тому, что был потомственным «господином», понимал простого человека и умел ставить себя на его уровень.

Все это объясняет, почему Кропоткин, хотя и выступал за рабочую воинственность и организацию, не мог оказать на своих товарищей влияния, сравнимого с влиянием Бакунина. Кроме того, в то время итальянское движение из-за нетерпения и неуклюжести его выдающихся личностей было сведено почти к скелетному состоянию; то же самое произошло и с швейцарской Юрской федерацией.

Это также объясняет, почему французское анархистское движение было организовано на основе групп из «семи или восьми членов, которые случайно оказались вместе в одном районе», преследующих «свои мелкие цели» и отказывающихся от великих задач социальных преобразований.

В июне следующего года Кропоткин вернулся к испанскому примеру. Но безрезультатно. Потребовалась катастрофическая террористическая деятельность так называемого «героического» периода и своего рода внутренний распад в результате многочисленных отклонений, чтобы некоторые анархисты решили, начиная примерно с 1895 года, вступить в синдикаты, где они ввели не только практику насилия, как писал о ней Жорж Сорель, но и корпус доктрины, основные элементы которой были приняты школой революционного синдикализма.

Но вернемся в Испанию. Прошли годы, и в 1887 году состоялся конгресс и был издан Манифест, который был воспроизведен в газете *El Productor*. [14] В нем мы читаем:

«Мы выступаем за анархию (безвластие) и стремимся к социально-экономической системе, в которой, при согласии интересов и взаимности прав и обязанностей, все будут свободны, все будут вносить вклад в производство и будут наслаждаться максимумом счастья, заключающегося в том, что потребляемые продукты являются плодами труда каждого, без эксплуатации и, следовательно, без проклятий отдельного эксплуатируемого рабочего.

«Земля не должна иметь хозяина, как и воздух, и свет, и подземные богатства, и леса, и все, что не является плодом человеческого труда.

«Наука не может иметь хозяина, как и средства производства, являющиеся результатом и применением научных знаний.

«Земля, наука, машины тяжелой промышленности не были созданы их хранителями, но созданы либо причинами, не зависящими от воли человека, либо прикладным трудом всех людей...

«Социальное единство в основе своей есть производитель... Первая социальная группа — это группа производителей, занимающихся одной и той же деятельностью. Основной договор заключается между производителем и соответствующей группой производителей той же деятельности.

«Группы производителей из определенной местности заключают договор, посредством которого они образуют организацию, содействующую обмену, кредитованию, образованию, здравоохранению и местной полиции; и они заключают договоры с другими местностями о кредите и обмене в более широкой сфере, такой как связь, общие и взаимные общественные услуги...

«Земля, рудники, железные дороги и вообще все средства производства, транспорта и обмена предоставляются в полное пользование трудовым коллективам. Конечная цель революции:

«Распад государства.

«Экспроприация собственников общего наследия мира.

«Организация общества на основе труда тех, кто может производить; рациональное распределение продуктов труда; помощь тем, кто еще не имеет квалификации для работы или уже не может ее выполнять; всестороннее физическое и научное воспитание будущих производителей...»

«По этим причинам конгресс, который рассматривает Испанскую региональную федерацию как свободное объединение, в котором трудящиеся могут решать все особые случаи по общей инициативе, когда необходимо единогласное действие, признает свободу отдельных лиц и коллективов, чтобы они могли развиваться в соответствии с особыми условиями, которые регулируют жизнь каждого из нас...»

Такие декларации, такие программы, к которым часто добавляются дополнительные концепции или инициативы, указывают на то, что конструктивные заботы всегда остаются на переднем плане. И в основе этих забот неизменно лежит фундаментальная доктринальная основа, которая вдохновляет планы и проекты. В этом последнем Манифесте остается коллективистская концепция, предложенная Бакуниным и модифицированная прудоновской мутуалистской концепцией, отличительной чертой которой является формула договора.

Но в тот же период произошло важное событие, которое показало, что живые умы работали. До этого времени, следуя коллективистской доктрине и, как мы видели в разных случаях, каждый производитель должен был пользоваться «всеми продуктами своего труда». Естественно, эта формула имела своей целью уничтожить все следы эксплуатации человека человеком; но коммунистическая школа анархизма поставила новую проблему — и фактически она была поставлена неявно в конструктивных концепциях Бакунина: многие члены общества не были квалифицированы для работы, поскольку речь шла о производительном вкладе. Поэтому общество было обязано содержать их, и для этого ему не оставалось ничего другого, как вычестить все необходимое из той части, которая, согласно принципам, сохранявшимся до тех пор, принадлежала производителям. Последние, следовательно, не могли бы «пользоваться всеми продуктами своего труда». Формула, которая все больше и больше привлекала внимание, была формулой истинного коммунизма «каждому по его потребностям, от каждого по его способностям», которую отстаивал Луи Блан и которую Прудон критиковал отчасти на том основании, что она была задумана в форме государственного коммунизма. а отчасти также потому, что он инстинктивно, можно сказать, всем своим существом отвергал то, что он называл «общиной». Мы теперь соглашаемся с моралью полной солидарности, которая должна была найти свое практическое выражение в Коллективах 1936-1939 годов.

По настоянию Маркса и Энгельса, которые послали Лафарга на борьбу с испанскими интернационалистами, не желавшими подчиняться их директивам, была создана другая синдикалистская организация, которая была марксистской и реформистской (ее основателей было семь человек, и все они жили в Мадриде). Но она не обладала ни

моральной силой, которую дают философские и социальные убеждения, основанные на широком гуманизме, ни характеристиками воли и исторической деятельности, которые вытекают из идеала, объединенного с действием. В Испании анархизм, или, скорее, назовем его антиавторитарный социалистический федерализм, предшествовал авторитарному государственному социализму, таким образом, используя с выгодой выигранное время. Но из-за влияния, которое он оказывал на умы, он также был способен лучше привлекать людей: поскольку анархизм не только отвергал авторитет вне личности, но и влиял на общество своей культурной деятельностью, распространяемой среди масс. Не будем забывать, что в 1882 году *La Revista Social*, редактируемая Луисом де Отейсой, имела тираж 20 000 экземпляров и была, вероятно, самым читаемым журналом в Испании. Более того, в истории международного анархизма мы не знаем культурного проявления, сравнимого с проявлением *Segundo Certamen Socialista* [15], и, вероятно, стоит еще раз подчеркнуть, насколько легко было испанским анархистам считать себя одной из школ социализма. Во Франции такое отношение было бы осуждено и непростительно ересь...

Еще лучше можно понять значение, достигнутое этим движением, когда узнаешь, что в 1903 году в Мадриде *Tierra y Libertad*, которая, как мы уже указывали, должна была стать традиционным журналом испанского анархизма, стала ежедневной газетой под редакцией Абелардо Сааведры. [16]

В последующие годы можно наблюдать своего рода нерешительность в мышлении испанского анархизма, которое ранее было ясным и недвусмысленным. К сожалению, французский анархизм, столь не симпатизировавший Прудону и Бакунину, оказал влияние, которое было интеллектуально и духовно ограничительным. Его позднее вступление в синдикалистское движение привело с собой только часть активистов. Обычай малых групп, который Кропоткин порицал, устоялся слишком хорошо. Правда, было много разговоров о совершении революции, но это рассматривалось как апофеоз всеобщего социального переворота, романтизированного до такой степени, что Жану Граву и Шарлю Малато пришлось полемизировать со своими товарищами, для которых всякая организация была обязательно авторитарной и угрожала правам личности. Затем, поскольку революция затягивалась, были взяты на вооружение вопросы второстепенной важности. Появился индивидуализм с его штирнеровскими требованиями, более или менее умело интерпретированными «я»; бунт стал чисто негативным, когда он не изменил курс в поисках различных маргинальных коньков, таких как вегетарианство, натурализм, эстетизм, ницшеанское воодушевление и т. д.

Франция пользовалась огромным авторитетом в Испании. Именно из Франции были введены или повторно введены многие новые идеи, такие как республиканизм, социализм и анархизм. Вскоре французские анархистские отклонения были импортированы рядом испанских анархистов. [17]

Эти новшества стали путать с новинками анархического коммунизма, который отвергал профсоюзную деятельность и широкое органическое предвосхищение будущего испанскими анархистами. Но, с одной стороны, сама интенсивность испанской проблемы ограничивала эти фантазии. А с другой стороны, естественное социальное чувство и дух солидарности, столь сильно присутствующие в натуре испанца, были слишком сильны, чтобы такое

движение утонуло в этих человеческих безумствах. Более того, существование анархистских групп не мешало, во-первых, социальной активности, а во-вторых, синдикальным действиям разжигать эту почти мистическую динамику истории, которая движет людей к большим мечтам и большим действиям.

Идеал живет глубоко в испанской душе. Для рядового борца это не вопрос философских абстракций, а социальной справедливости, совместно организованного труда, настоящего братства, вытекающего из равноправного пользования товарами и услугами.

Самый скромный анархист-крестьянин знает это, отчасти несомненно потому, что его доля так тяжела, что он не может предаваться химерам, когда на карту поставлен социальный вопрос. И конгресс в театре «Комедия», состоявшийся в Мадриде в 1919 году, подтверждает то, что было всегда: целью CNT является либертарный коммунизм; для его достижения было решено преобразовать традиционные ремесленные синдикаты в промышленные синдикаты [18], чтобы лучше гарантировать управление новой экономикой. Положение, которое должно было быть ратифицировано после десяти лет гражданской и военной диктатуры на Конгрессе в Сарагосе в 1936 году, что знаменует собой новый этап в нашей синдикальной организации.

Скажем прямо: резолюция конструктивного порядка, проголосованная делегатами в ситуации, которая ощущалась как предреволюционная, была ниже тех, которые проголосовали на предыдущих съездах. Но непрерывное повторение целей и средств, воля к конструктивной деятельности со стороны синдикатов, местных, кантональных, региональных, национальных федераций, их сплоченность, идея коммунальной деятельности, широкомасштабного обучения, крупных мастерских, которые заменят ветхие, в которых ремесленники и мелкие подрядчики получали столь скверное вознаграждение за свой труд, — все это осталось запечатленным в умах рядовых борцов и всех тех, кто до этого отдавал себя всей душой торжеству идеала. И удивительно видеть, как, хотя эти трактаты были неизвестны поколению, совершившему революцию, резолюции съездов 1870, 1871, 1872, 1882 и других годов применялись, часто буквально, в аграрных коллективах и в промышленных достижениях профсоюзов 1936-1939 годов.

В заключение следует отметить, что в течение пяти лет республики (с 1931 по 1936 год) было опубликовано много исследований, которые пытались подготовить путь для конструктивных реализаций революции. Впервые в истории мирового анархизма, по очереди, Д. А. де Сантьян, Игинио Ноха Руис, Гастон Леваль занимались этими проблемами не в форме утопий и воображаемых предвосхищений, а основываясь на конкретной реальности экономики страны, в свете статистики промышленного и сельскохозяйственного производства, проблемы сырья, энергии и международного обмена, общественных услуг и т. д.... Другие, но менее документированные, исследования, такие как исследование доктора Исаака Пуэнте под названием *El Comunismo Libertario* и другие эссе меньшей важности, появились в то же время. И пять или шесть книг, переведенных с французского, были написаны экономистами, такими как Корнелиссен, воинствующими революционными синдикалистскими теоретиками, такими как Пьер Беснар, и менее догматичными социологами, такими как Себастьян Фор. Все вышеперечисленное, а также многие другие книги и многочисленные брошюры, выпущенные по крайней мере тремя

издательствами, способствовали подготовке большинства активистов к задачам, которые предстояло решить.

Идеалы, преследуемые испанскими анархистами-коммунистами, те же самые, что и те, которым следовали и которые пропагандировали величайшие умы, начиная с Платона и, возможно, некоторых стоиков, вплоть до наших дней. Испанская революция достигла того, о чем просили ранние христиане, за что боролись в XIV веке Жакерия во Франции и английские крестьяне во главе с Джоном Боллом, и те в Германии, которых Томас Мюнцер возглавил два столетия спустя, а также английские левеллеры во главе с Эверардом и Уинстенли, братья Моравесы, ученики Жана Гуса. То, что Томас Мор предвидел в своей Утопии, и Фрэнсис Бэкон, и Кампанелла в *La Citta del Sole*, и священник Жан Мелье в своем знаменитом Завещании (слишком часто игнорируемом), и Морелли в своем *Nauffrage des Iles Flottantes*, и Мабли, который, как и Морелли, вдохновлял самые благородные умы Американской революции, и ярости Французской революции, одним из которых был Жак Ру, «красный священник». И армия мыслителей и реформаторов XIX века и первых тридцати лет настоящего. Это, в мировой истории, первая попытка применить мечту всего лучшего, что было в человечестве. Она преуспела в достижении, во многих случаях полностью, самого прекрасного идеала, задуманного человеческим разумом, и это будет ее вечной славой.

Глава II: Люди и борьба

У большинства исследователей социальной истории, революционных достижений или возможностей, исследования почти исключительно сосредоточены на промышленных районах и промышленном пролетариате. Аграрные регионы и земледельцы сразу же отбрасываются. Более того, социальный класс мелких крестьян неизбежно считается контрреволюционным, прежде всего, согласно марксистской «науке», в которой данные условия существования и методы труда обрекают их пользователей на роль столпов реакции или её воплощения. Маркс настаивал на этом «законе» истории, даже утверждая, что борьба между городом и деревней была одним из главных аспектов классовой войны.

Действительно, в этом вопросе крестьяне неоднократно отставали от горожан. Тем не менее, ничто не абсолютно, и события показывают, что нельзя утверждать, что развитие жизни народов можно уместить в герметичные формулы. Испания является ярким тому примером. Действительно, если антигосударственный коллективистский социализм, задуманный Бакуниным, появился в 1869 году в Мадриде и Барселоне, то вскоре он распространился на исключительно сельскохозяйственные районы, а также на города, экономика которых была связана с общей сельскохозяйственной деятельностью. Фактически, социальное и социалистическо-анархистское движение распространилось на север, прежде всего в Каталонию, наиболее индустриализированный регион, и на юг, в Андалусию, регион, где сельское хозяйство доминирует и занимает почти всю территорию юга от атлантического побережья Португалии до региона Леванте на средиземноморском побережье.

Именно в этих двух регионах до революции и на протяжении долгого времени продавалось большинство пропагандистских журналов, газет и брошюр, и именно здесь социальная активность и непрекращающаяся борьба были одними из самых интенсивных.

Можно привести несколько объяснений. Во-первых, психологическое, поскольку андалузцы, пожалуй, среди испанцев наиболее враждебно относятся к приказам извне, к опеке государства и к власти, представленной адвокатами или чиновниками. Во-вторых, экономическое, поскольку структура аграрной собственности в виде кортихос — очень крупных ферм, часто занимавших тысячи гектаров, — на которых постоянно работало большое количество местных рабочих, получавших мизерную зарплату, способствовала формированию коллективного сопротивления и облегчала объединение рабочих в группы. Те, кто знал тот период, рассказывают, как по вечерам рабочие и жнецы, измученные дневным трудом, собирались в сарае, где спали, и там, при слабом свете одинокого фонаря, тот, кто умел читать, знакомил своих товарищей с содержанием революционных газет, издававшихся в Барселоне или в андалузских городах. Так распространялись идеи.

Однако это не объясняет всего. Как мы увидим позже, именно в некоторых провинциях, чаще всего среди мелких землевладельцев, которые благодаря своей экономической

независимости могли более свободно участвовать в борьбе, находились наши самые упорные, самые героические и способные бойцы.

Более того, если голод, безработица и повсеместная нищета были факторами и причинами социальной войны, то другие факторы мотивировали сторонников в их усилиях по социальному обновлению. Вернемся к особенностям человеческой природы. Абелардо Сааведра рассказывал нам, как, когда Франсиско Феррер взялся распространять новое образование в форме «современных школ» (*escuelas modernas*), он открыл 148 небольших школ только в этом огромном регионе Андалусии — сам он родился в Севилье. Феррер предоставил деньги и оборудование, а Абелардо Сааведра занимался организацией. Но ему нужно было найти средства поддержки и учителей на месте. Их предоставляли рабочие профсоюзы. Почти всегда учителями были молодые самоучки-активисты, которые с энтузиазмом брались за эти новые задачи и добивались успеха.

То же самое происходило и за пределами Андалусии. В 1919-1920 годах я посетил регион Леванте, особенно провинцию Валенсия, где несколько таких школ продолжали, как могли, дело мученика Монжуика. [19] Они существовали прежде всего в так называемых небольших сельских городках. Поскольку ресурсы, ранее предоставляемые Феррером, больше не были доступны, местный профсоюз, в который входили рабочие всех профессий, или местная федерация, где существовало несколько профсоюзов, приносили средства, вычитаемые из полученных взносов. Часто школа становилась главной, почти мистической, целью рабочего объединения. И я знал крестьян, которые отказывались от табака, своей единственной роскоши, чтобы каждый месяц отдавать дуру — пять песет — на содержание школы, которая к тому времени называлась «рационалистической».

Можно было бы написать множество трогательных страниц о борьбе, развернувшейся на местном уровне вокруг и за эти достижения, в которых преобладал моральный облик. Естественно, они вступали в конфликт с активной враждебностью касиков, крупных землевладельцев, хозяев местной жизни, которые объединялись со священниками, гражданской гвардией, иногда с аптекарями и врачами. Часто, следуя древнему обычаю, неофициального учителя арестовывали и депортировали пешком, в наручниках, между двумя конными гражданскими гвардейцами, в отдаленные регионы, где он жил под надзором. Почти всегда его место занимал самый образованный активист в округе. Затем почти всегда наступала его очередь подвергаться депортации. Его заменял другой рабочий или крестьянин, который также переходил из тюрьмы в тюрьму, в отдаленные провинции. Иногда властям удавалось закрыть школу. В некоторых случаях, когда существовала сплоченная группа, ученики каждое утро отправлялись в горы со своим недавно импровизированным учителем, который заставлял их читать, обучая их написанию слов и цифр в воздухе, или естествознанию путем непосредственного наблюдения.

Написанное мною лишь описывает один из аспектов социальной борьбы, которая, само собой разумеется, касалась существующих условий жизни, но также была неотделима от более высокой цели. Правда, эта борьба принимала множество форм, таких как демонстрации против государства, которые так часто поднимали крестьян Франции, Италии и Центральной Европы против сборщиков налогов во времена великих королей и императоров; но к ним добавилась классовая война, которая в то время была более

ожесточенной, чем когда-либо.

Используя информацию из надежных источников и обращаясь к особенно беспокойному периоду, мы перечислим факты, которые позволят читателю понять важность социальной борьбы, развязанной обездоленными в Испании во время восстания. Они относятся лишь к очень ограниченному периоду, но интенсивность описываемых событий позволяет оценить остроту общей ситуации. Они не дают представления о масштабах всеобщих забастовок, особенно в Андалусии, в конце XIX века, которые парализовали жизнь в городах, деревнях и сельской местности, где пастухи бросали свои стада в горах, кормилицы передавали своих подопечных аристократическим матерям, а домашняя прислуга объединялась с наемными рабочими. Тем не менее, то, что последует далее, и что началось через десять лет после зарождения испанского анархического движения, позволит нам лучше понять смысл этой социальной борьбы.

1879 год — казнь путем удушения крестьянина-анархиста Оливы, осужденного по социальным причинам — предположительно за покушение на касика. Роспуск рабочих обществ в Таррагоне (Каталония) и кооператива в деревне Оливера (провинция Кадис). Забастовка фермеров и издольщиков в Валенсии, отказавшихся платить землевладельцам. Вмешательство гражданской гвардии, многочисленные аресты, плакаты бастующих, прикрепленные к деревьям; 75 крестьян-бастующих депортированных, хотя и не осужденных, на Марианские острова (архипелаг Филиппин, которые в то время были испанскими колониями). В Аркос-де-ла-Фронтера (провинция Кадис), в Гранаде, Ронде, Жане — все в Андалусии — демонстрации бастующих, требующих работы и хлеба. Многочисленные аресты. Во многих местах население совершало набеги на пекарни и мясные лавки.

В июне и июле сжигание урожая происходит на виноградниках, в лесах и на зерновых полях, а также в амбарах крупных землевладельцев Кастилии, Эстремадуры, Валенсии и, прежде всего, Андалусии, где костры бушуют весь август. Человек по имени Монкаси казнен за покушение на жизнь своего хозяина. За ним следует Франсиско Отеро Гонсалес, который дважды безуспешно пытался застрелить богатого человека.

1880 год — Банды грабят церкви и налоговые конторы, требуют выкуп у ряда богатых людей в провинциях Таррагона, Толедо и Сьюдад-Реаль (последние две находятся в самом сердце Новой Кастилии). Волнения в Андалусии. По данным газеты «Revista Social», 4566 земельных участков были конфискованы и проданы сборщиками налогов. Позже еще 51854 участка были конфискованы, но не проданы из-за нехватки покупателей. В первые месяцы 1880 года еще 39000 земельных участков постигла та же участь.

В мае и июне в регионе Херес, Андалусия, происходят поджоги небольших фермерских домов и виноградников крупных землевладельцев. В этом городе 13 боевиков находятся под стражей уже двадцать три месяца по обвинению в поджоге, произошедшем в Аркосе; двое из них, Мануэль Альварес и Хосе Кампос Родригес, погибают. В Корунье (Галисия) взрывается бомба перед домом мэра.

В провинции Уэльва (Андалусия) забастовщики уничтожали стада и плантации деревьев. Более десятка восстаний против сборщиков налогов в различных частях страны (Вальс, Арриате, Оренсе в Галисии; Альмодовар, провинция Сьюдад-Реаль и др.).

В 1880 году в сельской местности провинции Кордова вспыхивают пожары. Уничтожены тысячи гектаров зерновых, в том числе 84 гектара, принадлежащих герцогу Альбе. Вновь поджигаются дома богатых. Нищета повергает людей в отчаяние. Либеральная газета «Эль Сигло» заявляет: *«Мы предпочитаем уединиться, поскольку убеждены, что триумфальная революция в Испании немедленно будет захвачена всеми демагогическими элементами страны»*. В монастыре иезуитов в Гандии (провинция Валенсия) взрывается граната. Обитатели перебираются в дом герцога Пастраны, но революционеры поджигают его.

3 августа трое человек, ответственных за крушение поезда и нападение на него возле Алькасара в Кастилии, были расстреляны. 17 августа четверо приговоренных к смертной казни были казнены в Берсокане, один — в Риацце 19 августа, и еще один — в Марчене: десять казней за десять дней. Появляется подпольный журнал «Свободный муниципалитет» (El Municipio Libre), который распространяется в городах и сельской местности. Дом сборщика налогов в Рекейе (провинция Валенсия) был взят штурмом, а бухгалтерские книги и часть архивов муниципалитета были сожжены на площади. Вмешалась армия, народ противостоял ей. В городе Алькой, провинция Валенсия [20], иезуиты были вынуждены покинуть свои дома, столкнувшись с враждебным отношением народа. Боевики были арестованы в Малаге, где была обнаружена подпольная типография «Свободного муниципалитета».

1881 год — С 24 по 26 сентября в Барселоне состоялся конгресс комаркал (кантональных) федераций. По своей структуре многие из этих федераций были основаны на объединении земледельцев в профессиональные организации. Было представлено двести секций, присутствовало 136 делегатов. Против проголосовали всего 8 человек, и была принята резолюция, объявляющая целью федераций коллективистский анархизм. Диссиденты придерживались марксистского государственного социализма.

1882 год — в Севилье состоялся Национальный конгресс (называемый Региональным, поскольку анархисты считали Испанию регионом Интернационала) при участии 212 делегатов. Органически было образовано 10 регионов; 218 местных федераций, 633 профсоюза из 49 711 членов. Последняя цифра распределяется следующим образом: Западная Андалусия — 17 021 участник, Восточная Андалусия — 13 026; Арагон — 689; Каталония — 13 181; Старая Кастилия — 1 036, Новая Кастилия — 515; Мурсия — 265; Галисия — 847; Страна Басков — 710; Валенсия — 2 355. Эти цифры значительно меньше, чем число людей, активно участвовавших в социальной борьбе.

Следует также подчеркнуть усилия, в некоторых случаях исключительные, которые подразумевает присутствие такого большого количества делегатов, многие из которых были вынуждены путешествовать пешком или пересекать Испанию в невероятно сложных условиях.

Следует также отметить, что на этом конгрессе, примерно за тридцать лет до того, как Франсиско Феррер взялся за дело, которое стоило ему жизни, было решено основать школы, которые не находились бы под эгидой Церкви, или государства.

В Андалусии местная федерация Севильи, где в то время общественная жизнь была тесно связана с аграрной деятельностью, состояла из 53 профсоюзных секций и 6000 членов. Сразу после севильских конгрессов в провинции было организовано семь новых местных федераций, и 19 секций присоединились к Андалусской региональной федерации. Каждый номер журнала «*El Trabajo*» (Труд), выходящего в Малаге, объявлял о формировании двадцати профсоюзных секций, к которым в большом количестве присоединялись земледельцы. Из тиража в 18 000 экземпляров «*La Revista Social*» 8000 было продано только в Андалусии. Не следует забывать, что в то время население Испании составляло 18 миллионов человек, 65% из которых были неграмотны. Следует добавить, что севильскому конгрессу предшествовало около 20 региональных конгрессов для изучения повестки дня и принятия решений по вопросам, которые должны были быть вынесены на обсуждение.

1883 год — Газета «*La Revista Social*» сообщает, что в Марчене рабочий зарабатывает от 2 до 3 «реалов» (1 «реал» = четверть песеты) в день. В сельской местности Андалусии насчитывается 30 000 безработных. Федерация помогает 3500 из них (таким образом, существует практическая взаимопомощь, ограниченная только имеющимися ресурсами). Правительство проводит «закрытие библиотек и рабочих школ».

Но жестокий, отчаянный характер социальной борьбы спровоцировал создание тайного общества «*La Mano Negra*» (Черная Рука). Более 400 человек были арестованы по обвинению в принадлежности к нему. Боевиков из провинции Валенсия депортируют на Марианские острова. Вскоре 2000 рабочих обвиняются в принадлежности к таинственной организации; царит террор. Местные федерации распускаются, по всей стране проводятся обыски домов, совершаются социальные преступления, гражданская гвардия проводит обыски днем и ночью, аресты, заключения в тюрьму, пытки. В Монтилье (провинция Кадис-Андалусия) проводится масштабный судебный процесс. В библиотеке-школе в Ла Линеа (провинция Кадис) гражданская гвардия изымает мебель, столы, книги, оборудование и т.д.

В мае начинается первый судебный процесс над «*Чёрной Рукой*». Генеральный прокурор требует вынести тридцать смертных приговоров. Пятеро из осужденных были казнены. Полиция заявляет, что обнаружила ещё одну новую тайную организацию, и арестовывает двадцать ее членов.

1885-1886-1887 — В Коруффе (Галисия) происходит восстание крестьян против городских поборов. Книги, бумаги, регистры были сожжены. Войска открыли по протестующим огонь, восстание продолжалось два дня. Крестьяне Канольяса (3) в провинции Барселона отказались платить налоги, сто человек, вооруженных палками, заставили сборщика налогов уйти. Согласно либертарному журналу «*El Obrero*» («Рабочий»), только в декабре 1886 года государство конфисковало 75 ферм в Ходаре, 32 000 в провинции Логроньо и 4 000 на Балеарских островах за неуплату налогов. В Онтениенте, провинция Валенсия, люди штурмуют ратушу с боевым кличем «*Долой налоги!*» и сжигают все бухгалтерские документы. По оценкам, с 1880 по 1886 год Министерство финансов по распоряжению судов

конфисковало 99 931 сельскую и городскую собственность. С момента Реставрации, за тринадцать лет, эта цифра должна была достичь 999 000. [22]

Число конфискации было огромным, но точную цифру задним числом проверить невозможно. Тем не менее, в мае 1887 года было объявлено, что в районе Альканис (провинция Теруэль) 3000 ферм были проданы за неуплату налогов. В различных местах были объявлены новые и широкомасштабные беспорядки против городских пошлин, и гражданская гвардия ответила стрельбой по демонстрантам, убив и ранив некоторых из них. Аресты происходили по всей Андалусии также в противовес кампании в поддержку Чикагских мучеников. В Грасанеле (провинция Кадис) были заключены в тюрьму 24 мужчины и 6 женщин. Во многих небольших городах (например, в Рио-Тинто, провинция Уэльва, Андалусия) наблюдалась активная солидарность между движением фабричных рабочих и шахтеров. Во многих деревнях и небольших городах Андалусии царила отчаянная нищета. В Ла-Лохе (провинция Гранада), Эсихе, Лос-Аркосе, Санлукаре и Грасамеле мэры телеграфируют правительству Мадрида с просьбой о помощи и войсках. Португальская газета *Grito de Provo* сообщает о 414 565 конфискациях имущества (без указания периода времени), из которых 63 562 в провинции Куэнка (Новая Кастилия) и 73 395 в провинции Сарагоса. Крестьяне Старой Кастилии массово эмигрируют.

Изложенное нами выше, хотя и неизбежно неполное в отношении социальной борьбы за этот двенадцатилетний период, позволяет судить об интенсивности борьбы, которую вели люди во всех регионах Испании, за исключением, вероятно, Страны Басков.

Другие факторы дополняют объяснение поведения сельского населения, и было бы неправильно судить об их отношении, основываясь лишь на том отчаянном восстании, о котором мы только что упомянули. Безусловно, борьба прерывалась периодами затишья, когда силы репрессий одерживали верх и на целые годы объявляли крестьянские союзы (синдикаты) вне закона, а большинство одолевало чувство смирения. Но анархистские активисты всегда присутствовали как источник социального брожения. Они продолжали оказывать влияние посредством действий или пропаганды, распространения газет и журналов, создания библиотек, даже оказывая поддержку местному отделению республиканской партии, когда таковое существовало. Они продемонстрировали силу воли, стоицизм и героизм, часто поражающий воображение. Сотни из них пережили зачастую длительное тюремное заключение, ссылку на исправительные острова, депортацию, изгнание, бойкот со стороны касиков и их администраторов, внесение в чёрные списки со стороны боссов, отказ торговцев предоставлять кредит, бесчисленные преследования. Но эта борьба закалила людей и закалила сильную волю. Мы говорили и будем всё чаще видеть, что зачастую мелкие собственники, обладавшие определённой материальной независимостью, могли действовать и бороться с большей эффективностью, чем наёмные работники. Именно эти мелкие, независимые анархистские собственники внесли наибольший вклад в возрождение анархистского движения в 1915-1920 годах даже в городе Валенсия, где при монархии республиканизм захватил оппозицию. По воскресным утрам, оставив свои дела, они спускались из деревень и горных районов, или из Уэрты, чтобы сотрудничать с теми, кто в городе прилагал усилия для восстановления сил, сметенных репрессиями. Они были сторонниками, главными ремесленниками этого возрождения.

Именно в регионе Леванте я познакомился с Нарсисо Пуамиро [23], который жил в деревне Педральва, в горном и бедном районе провинции Валенсия, где он владел землей и принадлежал к числу состоятельных жителей этого района. И все же Нарсисо Пуамиро, высокий, худощавый, с золотым сердцем и просветленным умом, был выдающимся агитатором в кантоне Лирия, что, возможно, является наиболее интересной социальной историей региона Леванте.

Он работал на своих полях, а по ночам уходил пешком, чтобы не утомлять своего мула, которому, как и ему самому, предстояло работать на следующий день — преодолевая каменистые тропы, переходя из одной деревни в другую, проповедуя анархистское учение и организуя крестьян. Он реализовал часть своего имущества и содержал рационалистическую школу, в которой преподавала его дочь. Одновременно с борьбой против богатых эксплуататоров он вел борьбу против священников. Он также выступал на собраниях; но в нашем движении благодаря своей нравственной чистоте он был в регионе вдохновителем и вдумчивым наставником, который успокаивал вспышки гнева и противостоял проявлениям ненависти.

Когда войска Франко захватили власть, его местные противники, которые, в конце концов, не преследовали его в период антифранкистских войн, арестовали его. Долгое время о нем ничего не было слышно, пока однажды власти не вызвали жителей на деревенскую площадь. И перед ними, выставляя его на посмешище, они провезли телегу, на которой стояла большая деревянная клетка. В клетке находился Нарсисо Пуамиро, запертый, как Дон Кихот, при своем жалком возвращении, и подвергнутый насмешкам собравшейся публики. *«Но люди не смеялись надо мной, они смотрели на меня с печалью, и люди Франко ничего не получили за свои старания»*, — рассказал он моему информатору из своей тюремной камеры. Позже Нарсисо Пуамиро был расстрелян франкистами.

Обратимся к северной части Арагона и к еще одному из тех выдающихся людей, которые вызывают восхищение. Его зовут Хуан Рик, и он до сих пор жив где-то во Франции. Он жил в Бинефаре в провинции Уэска и владел 15 гектарами (37 акрами) хорошей орошаемой земли — небольшим состоянием — разводил и продавал около сотни овец в год, держал двух мулов и вместе с женой управлял бакалейным магазином, который принадлежал ей. В то же время он был главным активистом местного и кантонального анархо-синдикалистского движения.

Всегда движимый неиссякаемой энергией, он неоднократно подвергался преследованиям за подрывную деятельность. После преждевременного восстания в декабре 1934 года, в ходе которого погибли несколько гражданских гвардейцев, он дважды был приговорен к пожизненному заключению (что в то время означало тридцать три года тюрьмы) с добавлением еще пятнадцати лет. В общей сложности около восьмидесяти двух лет; Рик уже не помнит точно, сколько именно. Он вышел из тюрьмы по амнистии 1936 года и, конечно же, немедленно возобновил борьбу. И, естественно, несколько месяцев спустя он оказался в авангарде антифранкистского контрнаступления. Также было очевидно, что я нашёл его, всегда активного и улыбающегося, в качестве главного инициатора коллективистской организации кантона Бинефар, которая будет описана в последующей главе. Ему пришлось перебраться на другую сторону Пиренеев во время наступления

Франко, где он пережил французские концлагеря [24] , а позже — Дахау, куда его забрала полиция Гитлера и откуда он чудом вышел живым, и завтра, если сможет, вернуться в Бинефар (где местные жители отказались купить его поля, выставленные франкистами на аукцион), чтобы снова начать эксперимент по созданию эгалитарного и анархистского коллектива с тем же энтузиазмом, той же готовностью, той же просветлённой верой.

Сколько еще богатых, захватывающих биографий можно было бы написать об исключительных людях, о революционных анархистах, крестьянах, мелких землевладельцах и наемных рабочих, упрямых приверженцах революции, потому что они верили в справедливость и любовь! Передо мной краткий рассказ, составленный по моей просьбе одним таким человеком, который был ключевой фигурой в крестьянской борьбе в Навальмораль-де-ла-Мата, небольшом городке с населением 7500 человек в провинции Касерес, в Эстремадуре. Он дважды был приговорен к смертной казни, тяжело ранен в боях против франкистских сил, провел восемнадцать лет в каторжных тюрьмах, и, если бы у него были силы и возможность, я уверен, он тоже был бы готов возобновить борьбу, которую я сейчас кратко изложу. Но этот неизвестный герой, скромный и смиренный, считает необходимым отдать дань уважения другому скромному и неизвестному герою, прежде чем писать о себе. Вот что он говорит:

«Прежде чем начать рассказывать о себе, я хочу сказать несколько слов об Альфонсо Гонсалесе, старейшем активисте Навальморалья. Он был отцом всех нас, анархистов, много раз побывал в тюрьме, дважды был приговорен к смертной казни, арестован франкистами 22 июля 1936 года и освобожден в 1942 году; в 1944 году его снова арестовали за то, что он выступал в качестве связного с партизанами в регионе, приговорили к тюремному заключению и посадили в тюрьму Оканы. Он отбыл наказание и вернулся; в возрасте 84 лет власти изгнали его из Навальморалья. Он провёл шесть месяцев в деревне Талавуэла, а затем вернулся в Навальмораль, где умер шесть месяцев спустя. В завещании, составленном у нотариуса, он потребовал гражданского погребения. Власти пытались игнорировать его пожелания, но нотариусу удалось добиться того, чтобы пожелания старого борца были соблюдены. В стене кладбища пробили проем, чтобы прохождение тела по дорожкам, освященным Богом и священниками, не осквернило другие могилы, и его похоронили в уединенном уголке.»

А теперь, вкратце, что касается самого автора этих строк, Амбросио Маркоса:

«Либеральная оппозиция, представлявшая собой важный шаг в Навальморале, появилась в годы монархии в конце прошлого века в лице видных республиканцев, оставивших после себя приятные воспоминания у народа. Один из них основал большую публичную библиотеку, где можно было найти все книги по общей культуре, а также книги, посвященные социальным проблемам, и, следовательно, книги по анархической социологии, столь многочисленные в Испании. Это совсем не удивительно, поскольку некоторые республиканские течения мысли поддерживали братские отношения с рабочим революционным движением в антимонархической оппозиции. Социальные конфликты возникали в форме аграрных забастовок, борьбы против крупных землевладельцев. У нас нет подробностей, но в начале века говорят о «Черной руке» (Mano Negra), которая внушала такой ужас, что матери угрожали ею своим детям! Она заменила собой дьявола».

В 1905 году жители Навальморала восстали в защиту только что избранного либерального мэра, против которого маркиз Комильяс, считавшийся самым богатым человеком в Испании и владевший поместьями в пределах Навальморала, а также во многих других регионах, наложил вето. Рота Гражданской гвардии с винтовками и легкой артиллерией поспешила туда, чтобы оказать поддержку местным силам; после стычек все закончилось их отступлением и триумфальным выступлением народа. В последующие годы сохранились записи о демонстрациях против высокой стоимости жизни. В 1916 году была основана местная федерация рабочих, которая поддерживала Всеобщий Союз Трудящихся (ВСТ — социалистический и реформистский). Но на месте находились и активисты-анархисты, которые год спустя переманили эту федерацию в Национальную Конфедерацию Труда (НКТ). Произошли обычные социальные конфликты. В конце 1923 года Примо де Ривера установил свою диктатуру. Синдикаты были закрыты, как это произошло во многих других городах и регионах Испании, где социальная активность была очень интенсивной. Тогда возник тот самый гений подполья, о котором уже говорилось. Профсоюзное движение продолжалось, несмотря на закрытие синдикатов, члены платили взносы, собирались в полях (в других местах это могли быть леса или горы). Поскольку закон не запрещал создание рабочих групп, даже некоторых форм объединений, возчики организовались в трудовой коллектив. В разгар репрессий они вышли за рамки системы оплаты труда. Рабочие других профессий поступили аналогично. [25]

Когда Примо де Ривера ушел с поста в ноябре 1930 года, синдикат был немедленно воссоздан. За месяц его численность достигла 1500 членов. Также к синдикату начали присоединяться крестьяне. Вскоре их было 400, некоторые безземельные, другие владели лишь несколькими ара (1 ара = 120 квадратных ярдов) секано (сухих земель). Амбросио Маркос занялся сельскохозяйственным обществом, основанным католическими активистами или социально нейтральными людьми. Будучи сам землевладельцем и при поддержке других рабочих и крестьян, он оказал влияние на членов общества и привлек их к борьбе за землю, и в январе 1931 года полевые рабочие и бедные крестьяне завладели поместьями маркиза де Комильяса и других очень крупных владельцев этих владений, которые всегда оставались необработанными — и которые они всегда хотели иметь. В большом количестве они принялись за расчистку, вспашку и посев. В ответ на это вмешивается Гражданская гвардия, рабочие, кажется, сдаются, отступают со своими животными, телегами и инструментами; Гражданская гвардия остается на месте, торжествуя. Но вместо того, чтобы вернуться домой, крестьяне отправляются на другую сторону деревни, в другое имение, где возобновляют ту же работу. Женщины и дети приносят им питье и еду, а затем остаются на дорогах, чтобы предупредить о приближении врага, который в конце концов устаёт от этой игры в прятки и оставляет крестьянам плоды их труда.

В апреле 1931 года была провозглашена Испанская Республика. Новые власти сделали то, чего не сделали их предшественники-монархи. Суд над крестьянами длился шесть месяцев. Их приговорили к выплате компенсации за использование земли, но они этого не сделали. В июле они собрали урожай. Наступила зима (1931-32). Землевладельцы требовали вернуть им имущество, крестьяне этому сопротивлялись. Вмешалась Гражданская гвардия, вооруженная винтовками, но снова отступила.

Весенним днем караван из 500 рабочих отправился по дороге, ведущей в поля. Подобная муравьям кучка людей принялась за работу. Инцидент вызвал сенсацию — мадридские газеты сообщили о нем, журналисты и фотографы прибыли на место событий для репортажей. В других регионах крестьяне начали также вторгаться в необработанные поместья, и Гражданская гвардия, теперь республиканская, открыла огонь. Но не в Навальмораль-де-ла-Мата, по крайней мере, на тот момент, потому что, по словам Амбросио Маркоса, «они нас боялись». К 1933 году коллективная работа в поместьях продолжалась, но отношения становились все более напряженными. Постоянно происходили конфликты между крупными землевладельцами, касиками или их управляющими, поддерживаемыми вооруженными силами, с одной стороны, и крестьянами и рабочими профсоюзами, с другой. В марте 1933 года восемь наиболее активных боевиков, включая, конечно же, Амбросио Маркоса, были тайно арестованы ночью. Был отдан приказ применить к ним закон о бегстве. [26] Но через час новость стала известна, передана через телефоны, и все население вышло на улицы, а все подъездные дороги были перекрыты, чтобы предотвратить прибытие задержанных в провинциальную тюрьму Касерес. Власти организовали изменение маршрута автомобилей, и никто не осмелился применить закон о бегстве, и в три часа утра арестованные благополучно прибыли в пункт назначения. Но на рассвете ситуация в городе не улучшилась; помимо перекрытых дорог была взята штурмом ратуша, местные власти были взяты в заложники крестьянами и рабочими.

Задержанных не отпустили, поскольку власти хотели любой ценой подавить движение за экспроприацию. Но их места заняли другие активисты, и борьба в Навальмораль-де-ла-Мата продолжилась.

Забастовка временных рабочих в мае и августе, во время сбора урожая, затронула землевладельцев среднего размера. Вмешались республиканские правительственные власти, совершенно непохожие на апостольских деятелей республиканизма в его ранние годы. Но движение распространилось на соседние деревни: на Перальта-де-ла-Мата, деревню, не имеющую большого значения, где наша организация насчитывала 500 членов, на Вальдеункар с 200 членами, на Хосандилья-де-ла-Вера, на Вильянуэва-де-ла-Вера. И оно даже захватило соседнюю кастильскую провинцию Пласенсия, которая веками пребывала в спячке.

В декабре 1933 года, в ответ на триумф правых партий на выборах, НКТ (CNT) попыталась объявить общенациональную всеобщую забастовку, которая в итоге оказалась тактической ошибкой. В Оливия-де-Пласенсия здание ратуши было взято штурмом, но именно в Навальморале атака оказалась самой мощной. Три дня жители города были хозяевами положения. Начались бои, и в конце концов Гражданской гвардии удалось заставить CNT отступить.

Тридцать пять боевиков, большинство из которых были крестьянами, предстали перед судом и были приговорены к каторжным работам. Они вышли из тюрьмы, когда левый Народный фронт, одержавший победу на выборах в феврале 1936 года, объявил амнистию. Тем временем крестьяне Навальмораль-де-ла-Мата, столкнувшись с превосходящими силами противника, потеряли часть завоеванных территорий. Но они также обрели некоторые права пользования землей. Амбросио Маркос скромно подводит итог этой

эпической истории, которая, увы, закончилась триумфом франкистских сил, которые вскоре после своего нападения 19 июля 1936 года триумфально появились на публике:

«Можно сказать, что в отношении организации сельского хозяйства наши коллективы не были целостным воплощением вольного коммунизма, [27] но если учесть обстоятельства, то не было ни одной неудачи. Это самое важное, потому что каждая неудача приводит к отставанию и сеет смятение среди нас. Мы должны были доказать, что наши идеи практичны и наша программа может быть реализована. Вопреки властям и землевладельцам, была предпринята первая попытка коллективного земледелия. Помощь оказывалась наименее обеспеченным, сильнейшие помогали слабым. Некоторые рабочие стали крестьянами, чтобы принять участие в этом новом предприятии. Помощь оказывалась людям в других районах. Когда в Астурии произошла забастовка Дуро-Фельгера [28], бастующим был отправлен грузовик нута и много мешков картофеля, а также деньги. Забастовщикам на Центральной телефонной станции мы также оказали помощь, и были другие акты солидарности».

До сих пор мы лишь кратко — в ограниченном по времени и географическому охвату — описывали интенсивность социальной борьбы в крестьянских и сельскохозяйственных районах. Но, несмотря на её интенсивность, порой жестокую, она, возможно, превосходила борьбу, которая велась в городах. Во-первых, особенно в Андалусии, город и деревня часто действовали сообща, социальные конфликты переплетались. Но в промышленных зонах, и особенно в Каталонии, движение очень быстро распространилось и с исключительной силой. С начала века на Каталонию приходилось 70% промышленности Испании. Использование энергии воды из Пиренеев, постоянные контакты с Францией, широкий доступ к Средиземному морю, вклад франко-бельгийского капитала и местная инициатива привели к тому, что этот регион, испытывавший нехватку сырья, со временем развил обрабатывающую промышленность, которая приобрела значительное значение.

Таким образом, сложились условия для создания рабочих синдикатов, которые появились еще в первой половине XIX века (как и в Италии), причем в 1840 году существовали не только общества сопротивления рабочих, но и ремесленные федерации, которые, как, например, федерация ткачей, распространялись по всему региону, а также федерация трех паровых предприятий, которые в объединенном виде могли быть сравнены Ансельмо Лоренцо с профсоюзами в Англии.

А с 1870 года анархистское синдикальное движение представляло собой революционную школу, свободную от вмешательства, в которой наиболее важные рабочие организации сами определяли свою судьбу. Частичные и всеобщие забастовки, саботаж, публичные демонстрации, собрания, борьба против штрейкбрехеров (они тоже существовали), тюремное заключение, ссылки, суды, восстания, локауты, некоторые попытки захвата власти.

Автор этих строк прибыл в Барселону в июне 1915 года. В то время Испанская Национальная Конфедерация Труда (НКТ), основанная четырьмя годами ранее, переживала трудный период. Собрания против Первой мировой войны, организованные нашими товарищами, привлекали меньше сторонников, чем призывы республиканцев к участию Испании на

стороне союзников. Тем не менее, в Барселоне существовало четыре рабочих центра, называемых «Атенеос», потому что в каждом из них была библиотека, столы, за которыми можно было сидеть и читать, и где читались лекции. Движение анархистских групп действовало в согласии с НКТ.

Но затем произошла русская революция, влияние которой распространилось на Запад, вселив множество надежд. Внезапно увеличилось число членов профсоюзов, участились забастовки, усилилась социальная борьба, постоянно сопровождавшаяся противостоянием сил между рабочими организациями и организациями работодателей. Именно тогда наш еженедельник «*Solidaridad Obrera*», одним из основателей которого был Франсиско Феррер, стал ежедневной газетой. Два года спустя (в 1919 году) у нас было шесть ежедневных газет с тем же названием (в Барселоне, Бильбао, Сарагосе, Мадриде, Валенсии и Севилье) и около десятка еженедельников, выходивших в разных регионах Испании. К ним следует добавить такие журналы, как «*Paginas Libres*», превосходное издание, выпускаемое доктором Педро Валлиной в Севилье.

В сельской местности Андалусии сжигали урожай, но в городах Каталонии, Арагона и некоторых промышленных центрах на севере Испании забастовки следовали одна за другой.

Наиболее важная из этих забастовок вошла в социальную историю Испании как забастовка «*La Canadienza*» (Канадской Компании), вспыхнувшая в Лериде, примерно в 150 километрах к югу от Барселоны. Эта канадская компания строила большую плотину, которая позволила бы построить крупную электростанцию. Часть рабочих была уволена, и их товарищи немедленно вышли на забастовку солидарности. Ввиду сопротивления, оказанного компанией, движение сначала распространилось по всей провинции, а затем и на три другие каталонские провинции. Редко когда всеобщая забастовка была столь масштабной, бескомпромиссной и впечатляющей. Остановились не только мастерские и фабрики, но и все средства связи. Рабочая сила установила правила на улицах. Свободно передвигаться могли только врачи. Кафе, гостиницы, рестораны — все было закрыто. Ночью в Барселоне было полное затемнение. Эта забастовка, продолжавшаяся с 5 февраля по 20 марта 1919 года, была необычайной борьбой против работодателей и властей.

Но репрессии разразились с новой силой. Испанское законодательство допускало — и никогда не прекращало это делать, даже во время Республики, которая, наоборот, усилила репрессивные меры, — заключение под стражу как обычных преступников, даже если они отбыли свой срок, так и политических противников, особенно воинствующих рабочих, считавшихся подрывниками или представляющими опасность для общественного порядка.

Это дало политическим властям возможности для действий, которыми они в полной мере воспользовались. В период с 1920 по 1924 год число интернированных исчислялось тысячами. Мало того, что «Образцовая тюрьма» Барселоны была переполнена, так еще и интернированных приходилось размещать в монументальных Аренах, а лодки с ними загружали во внешней гавани, как это делалось во Франции после Парижской коммуны с использованием понтонов. Те, кто пережил эти напряженные и бурные дни, не могут этого забыть.

Но это было не всё. Пока у Испании были колонии, врагов режима, как и коммунаров, депортировали в Новую Каледонию. Во время забастовки «*La Canadiense*», помимо острова Фернандо-По, единственным доступным островом был Маон в Средиземном море. Этого было недостаточно, поэтому они прибегли к депортации в саму Испанию. Формировались конвои из заключенных, скованных парами и связанных общей веревкой. Именно поэтому эти конвои назывались «*cuerdas de deportados*» (конвои депортированных). Таким образом, группы по 30, 40, 50 человек отправлялись по дорогам в сопровождении конных гражданских гвардейцев, всегда готовых применить винтовку Маузер, которой был вооружен каждый человек в начищенной треугольной шляпе. Это был случай, когда революционных рабочих отправляли в более изолированные регионы, на 300, 400 миль и дальше, чтобы отрезать их от контактов с массами. Но когда люди одержимы идеалом, эти меры бесполезны. В итоге депортированные «*cuerdas de deportados*» дали результаты, прямо противоположные желаемым.

Вдоль всего маршрута вид депортированных вызывал сочувствие, великодушие и солидарность. Объявление о прибытии или проезде конвоя разносилось по деревням, и еще до того, как конвой достиг первых домов, раздавались крики: «Заключенные! Заключенные!»

Двери домов открывались, и женщины, дети и старики выходили, принося грозди винограда, хлеб, дыни, а мужчины спускались с полей, принося табак. Это было коллективное подношение, и Гражданская гвардия не могла поступить иначе, кроме как пропустить его.

И поскольку в тех самых отсталых регионах, куда их отправляли, наши товарищи присоединялись к работе в полях, могли передавать более передовые технические идеи и учить детей читать, в результате Благая Весть проникла в самые социально отсталые районы сельской местности.

Однако на этом репрессии не закончились. В Барселоне в конце 1919 года во всех отраслях промышленности был объявлен локаут, чтобы раз и навсегда сломить движение синдикатов. Он продолжался семь недель. Но хотя рабочая организация вышла из него значительно ослабленной, она не была уничтожена. Поэтому правительство приостановило действие конституционных гарантий (к чему оно часто прибегало в прошлом и к чему будет часто прибегать в будущем), и наше движение было объявлено вне закона. «Рабочие центры», а также Атенейский колледж были закрыты. И началась охота на ведьм в отношении CNT.

Сколько человек было убито, расстреляно на улицах Барселоны? Передо мной неполный список, но в него входит 101 имя. Среди них такие люди, как Сальвадор Сеги, рабочий, самоучка и выдающийся оратор; Эвелио Боаль, наш лучший профсоюзный организатор, и многие другие, некоторые из которых были моими друзьями. Некоторые тяжелораненые выжили лишь чудом, как в случае с Анхелем Пестаньей, получившим пулевое ранение в горло и еще одно в легкое, когда он выходил из вокзала в небольшом городке Манреса, где должен был прочитать лекцию. Выйдя из больницы, он сразу же отправился и прочитал лекцию, о которой было объявлено два месяца назад.